

«В начале было Слово» — возвестил Евангелист, Апостол Иоанн.

В греческом тексте написано «Логос», это понятие некоторые толкователи считают более широким, но далее у Иоанна сказано: «И Слово было у Бога, и Слово было Бог», поэтому русское «Слово» понятнейно, пожалуй, повесомее. Таким образом, в русском языке Бог и Слово единосущны, а Иисус Христос в православии именуется воплощенным Словом.

И язык наш сохранил благоговейное отношение к Слову.

*Живи по Слову. Да спасешься Словом.
Слово — скрепление истины.*

* * *

Создал Господь человека, наделил его разумом и даровал слово для выражения мысли — плода разума. А вот как создание использует дар Божий, мы и попытаемся рассмотреть. Первым применил слово для искусительной лжи дьявол, он воздействовал на Еву высказанной мыслью как инструментом обмана, как орудием подавления воли жертвы. Опыт оказался удачным для отца лжи и пагубным для всего последующего человечества — наши праотец и прамать были изгнаны из Рая.

Вот так род людской оказался ущерблен первородным повреждением, а дальше уже люди по своей злой воле выбирали грех и использовали слово как орудие греха и как укрывательство греха.

«И сказал Каин Авелю, брату своему: пойдем в поле. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его, — читаем мы в Библии. — И сказал Господь Каину: где брат твой? Он сказал: не знаю; разве я сторож брату моему?»

Так поступил первенец Адама и Евы, он сделал слово лживым, и стало слово ложью. После гибели Авеля у прародителей родился Сиф, благочестивый и богобоязненный сын. Потомки Сифа смешались с потомками Каина, и последствия такого смешения оказались более вредными для добрых, чем полезными для злых. Такова сила греха. Придавленное таким грузом потопало человечество по жизни, с грузом греха-помысла, греха-слова и греха-поступка, копя и множа обретенное.

Даже Потоп не устрасил человеков, не выжег страхом Божьим заразу греха, и уже сын Ноя, главы единственного спасшегося семейства, Хам оскорбил своего отца словом и поступком, за что прокляты были потомки его в лице сына Хамова, Ханаана. Такова сила словесного проклятия праведного Ноя, что не ослабела за тысячелетия и привела к гибели племени земли Ханаанской за мерзости их пороков, произросших от семени основателя и взбродивших за века в отравленную кровь.

Опять начали размножаться человеки, стали плодиться и о грехе не забывать, его тоже плодили, особо гордыню взращивали. Возомнили себя способными до-

браться до небес, башню начали возводить из обожжённых кирпичей. Тварное создание, однажды уже наказанное за гордыню, снова захотело возвыситься до Творца, но не духом.

Бог милостив, Он не стал вторично уничтожать неразумных гордецов, Он разлучил их речь, причем одномоментно. Вечером понимали друг друга, беседовали, обсуждали планы на завтра, а утром вдруг абсолютное непонимание, от этого рождалось раздражение, а потом отторжение. Совместная деятельность стала невозможна, Вавилонская башня не построилась.

Получается, своим неразумием человечество обрекло себя на разобщённость, на развитие отдельными группами, и эти группы всё более отдалялись друг от друга, сначала языками, потом обычаями и традициями, из которых складывался образ жизни. Так началось формирование различных цивилизаций.

Но человечество уже твёрдо усвоило, что с помощью речи наилучше всего можно обманывать, лицемерить и скрывать истинные помыслы.

Слово красно, да дело черно.

Жило человечество, не тужило, высоких целей не ставило, ибо разум людей был настроен исключительно на добывание хлеба насущного, желательнее его побольше да повкуснее. Однако чревата такая одногранная деятельность могучего дара — разума, скверными последствиями. Она неизбежно приведёт к бурному развитию дурных страстей, начиная с гордыни, родоначальницы всех пороков.

Гибель Содома и Гоморры — следствие человеческой необузданности в страшных грехах и результат гнева Божия. Но разве человека хоть что-нибудь может отратить от пагубы? Нет, даже гибель целых городов не послужила людям уроком, слишком сладка оказалась греховная жизнь.

Придуманная частная собственность послужила мощнейшим импульсом к дальнейшему развитию дурных наклонностей поврежденной человеческой природы. Бог — врач, а не палач. Он хотел помочь людям найти путь к исправлению, надеясь, что «помышление сердца человеческого — зло от юности его».

Избрал Бог племя. Дал ему Завет и Заповеди, чтобы оно показывало всем племенам пример жизни праведной, свободной от греха. Но не может Господь противиться воле человека, не может насильно вести его к Свету, если человек тянется ко тьме. Посылал Бог пророков, что пытались словом вразумить погрязшее во грехе иудейское племя, но глас посланников был или «гласом вопиющего в пустыне» или заглушался камнями побивающих их соплеменников, а то и пресекался мечом палача. Зато по прошествии веков фарисеи лицемерно восхваляли убиенных, строили им гробницы и заучивали наизусть тексты их книг с пророчествами.

Были праведники в народе еврейском, но не под силу им было исправить нравы общества. Слово Бога заслонялось словами сатаны.

Однажды пришёл в мир Спаситель, Сын Божий, чтобы страданиями своими и смертью дать возможность осквернённому человечеству спастись. Он принёс людям Благою Весть, принёс Слово Спасения. И что? Побежали несметные толпы каяться во грехах, во слезах молить о прощении? Как бы не так. Огромными толпами ходили, слушали, восхищались чудесами, а каялись немногие. Ждали не Спасителя, не было в Нём нужды, ждали могучего царя, способного дать каждому все блага земли и радости жизни.

А потом, разочарованные до озлобления, неистово вопили: «Распни Его, кровь Его на нас и на наших детях». Но Слово Спасения не погибло, апостолы, ученики и друзья Иисуса понесли Его по свету, и все, кроме Иоанна Богослова, погибли за Него.

Апостолы шли по городам и селениям Иудеи, Самарии, Галилеи со Словом Иисуса, люди внимали, многие задумывались, иные уверовали и в то же время апостол Иаков с болью писал: «Ибо все мы много согрешаем. Кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело. Вот, мы влагаем удила в рот коням, чтобы они повиновались нам, и управляем всем телом их. Вот и корабли, как ни велики они и как ни сильными ветрами носятся, небольшим рулем направляются, куда хочет кормчий. Так и язык — небольшой орган, но много делает. Посмотри, небольшой огонь как много вещества зажигает! И язык — огонь, прикраса неправды; язык в таком положении находится между членами нашими, что оскверняет все тело и воспаляет круг жизни, будучи сам воспаляем от геенны. Ибо всякое естество зверей и птиц, пресмыкающихся и морских животных укрощается и укрощено естеством человеческим. А язык укротить никто из людей не может: это — неудержимое зло; он исполнен смертоносного яда. Им благословляем Бога и Отца, и им проклинаем человек, сотворенных по подобию Божию. Из тех же уст исходит благословение и проклятие: не должно, братья мои, сему так быть».

Знать, до такого плачевного состояния дошёл язык народа еврейского, ну а коли язык стал таков, то и духовное состояние было соответствующее. Но, Светильник был уже зажжён и светил — Слово достигало людских сердец и возжигало в них Веру Христову. А поборники зла несли своё слово. Евангелие невозможно уничтожить, но его можно исказить.

* * *

«Сыновья Ноя, вышедшие из Ковчега, были: Сим, Хам и Иафет», от них пошло человечество после Потопа, их потомки расселились по Земле. Из потомков Сима происходил Иисус. Потомки Иафета позже всех расселились по миру. Они пришли в Малую Азию, в Индию, двинулись и на запад, в Европу. Это племя позже и разрослось в индо-европейскую расу, к которой принадлежит русский народ.

Среда обитания участвует в рождении и становлении народа, в ней обитающего. Посмотрим, как это происходило с русским народом, как повлияло на формирование великорусского языка.

По Льву Гумилёву «первое общеславянское государство существовало в лесной полосе между Днепром и Днестром. В VII веке оно распалось под натиском врагов, выделив Болгарию, Чехию, Польшу и Поморье. <...> К IX веку сложилась Киевская Русь, она возникла тогда, когда славянство перестало существовать как целостность, сохранив, однако, общепонятность речи, или близость языков».

Здесь для нас важны слова о лесистой полосе и о междуречье Днепра и Днестра, они указывают на характерные природные особенности и первого исторически-обозримого славянского государства, и Киевской Руси, которая тоже располагалась в основном на землях, заросших густым лесом, вдали от тёплых ветров Атлантики, от благодатного климата Западной Европы. Густые нехоженые леса, топкие болота, длинные морозные зимы, хищные звери — всё требовало объединения человеческих усилий для выживания, но и выработывало негнучий характер, несгибаемый дух, рождало язык вдумчивый, неторопкий, мирозерцательный.

Очень трудно доставался хлеб земледельцу, кровью и потом отвоёвывавшему скудную пашню у векового леса. Во многом поэтому не возникли на Руси условия для возникновения частнособственнических отношений, они подталкивали к

оформлению, скорее, государственно-частных. И оттого не было возможности у народа, живущего в столь суровых условиях, увлекаться излишествами, перерастающими в пороки.

На западе, в зоне влияния Гольфстрима, природа баловала человека. Здесь была разветвлённая речная сеть, притом почти незамерзающая, тёплый климат без летних заморозков и изрядно прореженные со времён Рима леса. Эти факторы способствовали лепке характера народа неустойчивого, а языка легковесного, суесловного.

Но, кроме этого, европейская цивилизация проросла из трухи сгнившего Римского мира, впитав в себя соки-пороки поздней, нравственно разложившейся Империи, а языки европейские есть не что иное, как испорченная латынь. Очевидно, и западное христианство, католицизм переняло в лице своих первых иерархов родовую черту римской аристократии — властолюбие, и уверенно пошло к достижению верховенства среди христианских общин, потом церквей, причём любыми средствами, даже недостойными. На этом пути Римская курия накопила несметные богатства, стала одним из влиятельнейших собственников Европы, наравне с королями и императорами, потеряв при этом истинную духовную опору в народах, но встроив церковь в систему существующих экономических отношений.

Отсюда можно сделать вывод — европейские нации, от рождения принявшие в себя родовые пороки Рима, на них росли и растут донныне. Точно на этой испорченной почве создавались европейские языки и национальные культуры.

Совершенно иначе, вне довлеющего влияния закатного, изуверски-изошрённого мира Римской империи, развивалась Русь, и язык русский проходил становление в самобытных условиях и на славянской основе.

Киевская Русь приняла христианство из Византии, а именно православие, сохранившее в себе учение Апостольской церкви.

Европа, переняв культуру погибшего Рима, не отторгла и глубоко укоренившиеся извращения покойного, содомистские похоти, они прижились в среде светских европейских правителей, постепенно проникая в гущу народную. Подобное на Руси всегда считалось святотатством, даже в языческие времена, народ просто не выжил бы в тяжких климатических условиях, если бы поддался извращениям, пресекающим род людской, и распутству, не способствующему росту и крепости семей, фундаменту жизни земледельческого племени.

В XII веке Киевская Русь распалась, и в дальнейшем центр русской жизни вынужденно смещался на север, на восток и на северо-восток, где леса дремучее, а климат холоднее, там закалялся русский характер, преодолевая междоусобные распри, воюя с немцами, шведами и ордынцами, собирая государство, крепчал, богател язык русский, вбирая в лоно своё языки и наречия племён и малых народов, вошедших в один большой русский народ. Уже были написаны «Слово о полку Игореве», «Слово о Законе и Благодати» и «Повесть временных лет».

В царствование Иоанна Васильевича, прозванного Грозным, Европа вдруг с ужасом обнаружила у себя под боком вместо ожидаемого сборища дикарей в звериных шкурах мощную Державу, с умным и дальновидным царём, трудолюбивым добродушным народом, обширную и не хиреющую, обладающую, к вящему изумлению, собственным письменным и богатым разговорным языком. Но есть у этого народа ещё то, что они не обнаружили. Как дерево питается соками земли, из которой выросло, так и язык напитывается соками из самой глубины жизни простого, «чёрного» народа. А самая глубь народной жизни — фольклор, устное

народное творчество. Оно и составляет комель всей языковой культуры. Здоровый, могучий комель-опора всему древу языка. Комлястое дерево жизнестойкое.

Песни, былины, обряды, сказки, частушки, поговорки, пословицы, загадки, прибаутки — вот он, комель языка русского, такой туго узластый, такой переви-тый-переплетённый, что ни топору, ни огню не подсилен.

Именно с этого времени усилилась война против Державы, война никогда не прекращающаяся, принимавшая разные формы: информационная, психологиче-ская, экономическая и вооружённая. Потому что русские не такие, как европейцы или американцы. Русские не завоёвывали чужие земли огнём и мечом, как испан-ские конкистадоры или английские колониальные войска. Наш Ермак с полуты-сячей казаков прошёл пол-Сибири, прошёл на свой страх и риск, а его последо-ватели малыми отрядами за короткий срок дошли до Тихого океана, и местные племена добровольно шли «под высокую руку белого царя», они видели в русском человеке не поработителя, а друга.

Да, Русь повергла Казанское и Астраханское ханства, но это было избавление от вечных кровавых набегов потомков золотоордынцев, а народы этих ханств объ-единились с русским неразлучно.

Русская Православная Церковь не сжигала еретиков десятками тысяч, на пло-щадях русских городов не пахло жареным человеческим мясом, а русские монахи не продавали навязчиво индульгенции во отпущение всех мыслимых и немысли-мых грехов. Мы другие, у нас свой мир, своя цивилизация и у нас Бог в душе, а у них на губах.

И язык у нас отличный от европейских: и звонкий, как песнь жаворонка в лазоревом поднебесье, и нежный, как шепоток ручейка в лесных зарослях, и гроз-ный, как русская рать в сомкнутом строю!

Европа не любит тех, кто на них не похож. Покатились волны нашествий на землю Русскую; накатывали и, беззубо шипя, уползали, разбитые о гранит духа русского, снова накатывали и снова, мутные, обессиленные, уползали, оставляя грязные лохмы пены.

Вширь и вглубь раздвигалось пространство русского языка. Полнился он пла-чем жёнушек, провожавших мужей и сынов на битву за землю родимую, полнил-ся песнями воинской доблести, песнями пахаря и песнями любви. Никакому на-роду на Земле не выпадало столько лиха на долюшку его, только русскому! Всё он превозмог, всё вытерпел и всё впитал в себя язык наш, всё сохранил. Поэтому так неповторимо богат он, так удивительно выразителен, такие тончайшие состояния души человеческой способен передать наш великий русский язык!

* * *

К девятнадцатому столетию все накопленные языком сокровища уже просто рвались наружу, требовали своего осмысления, своего упорядочивания, явления своего миру во всём нестерпимом блеске красоты. И настал Золотой век русской культуры: литературы, музыки, живописи. Это невозможно объяснить случайно-стью — одновременное явление гениев отечественной словесности — Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Даля, посвятивших жизнь служению русскому слову! Боже-ственное Провидение здесь потрудились!

Пушкин... Лермонтов... Любому народу на земле даже одного из них хватило бы на всю историю, а у нас они лишь первые в плеяде великих имён, оказавших мощное влияние на всю мировую литературу. Первые, но и высочайшие!

Пушкин — «солнце русской поэзии», и больше ничего не надо говорить. Лермонтов, как слепящий разряд молнии, таким незатухающим сиянием осветил небосвод Русского мира, что доколе жить будет народ русский, дотоле и будет освещать небо над ним поэзия великого сына России!

Подобное влечётся к подобному. Высокая музыка привлеклась к высокой поэзии — и родилось дитя неповторимое, уникальное в мировой культуре — русский романс. Песни мелких страстишек, коими живёт современная песенная культура, гаснут, как искры от костра, едва отлетев, русский романс угаснет только вместе с народом, в котором он родился. Или когда народ примет другую культуру, а с ней и другие песни, но это будет уже другой народ, не русский.

Иного не может быть, потому что «Выхожу один я на дорогу», «Я встретил вас — и все былое...», «Гори, гори, моя звезда...», «Живёт моя отрада...», «Вот мчится тройка почтовая» и другие шедевры — это оголённая душа русского человека, мятущаяся и страдающая.

* * *

«В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна. 1:1). Язык народа — его высшее достояние, его святыня. Оплюй святыню — и рухнет цельность внутреннего мира в человеке, воцарится мерзость. И превратится человек в зверя двуногого.

Иван Сергеевич Тургенев писал: «Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбе моей Родины, — ты один мне поддержка и опора, о великий, могучий, правдивый и свободный русский язык!»

Анна Андреевна Ахматова в разгар войны уверяла: «И мы сохраним тебя, русская речь, // Великое русское слово. // Свободным и чистым тебя пронесём // И внукам дадим, и от плена спасём // Навеки».

Язык неотделим от носителя своего — народа, и неотделим от всех его жизненных потрясений, с ним он горюшко мыкает, с ним и в веселии пребывает. Реформы Александра Второго распахнули дверь в страну, привнеся в Россию чуждые экономические отношения и подлую мораль стервятников. Горячечно затрясся организм Державы, приняв отравленную кровь западного капитализма. Русское общество враждебно расслаивалось с невиданной прежде силой и скоростью.

Противо...речия копились, копились... В начале двадцатого столетия в организме России набухали злокачественные нарывы, в воздухе русском пахло кровью и гноем. Тревога и ожидание гибели разлились в культуре Серебряного века. Этот период в русской словесности не был подобен мощному и длительному, почти на столетие, толчку Золотого века, взметнувшего русскую литературу на мировую вершину, это был, скорее, судорожный рывок, сотворивший талантливую, но часто с миазмами разложения, поэзию и прозу. Однако он тоже породил немало имён высочайшего уровня... первейшими из которых по воплощению русского духа в художественных образах, безусловно, останутся навсегда Горький и Есенин*.

**Эти писатели, равно талантливые, идейно были воинственно несопоставимы: Есенин, любивший изначально православное христианство и русское крестьянство, и Горький, презиравший и христианство, и крестьянство.*

Взрывная ломка всего устоявшегося, привычного, но прогнившего и опостылевшего мира, да к тому же отягощенная тяжёлой затяжной войной — такие потрясения могут закончиться гибелью цивилизации, но русский народ устоял. А потом была ещё и Гражданская, одна из самых жестоких войн, когда брат на смерть рубился с братом, а сын расстреливал отца. А устоял наш народ потому, что революция указала способ построения совершенно нового общества, в котором десятилетним ребятишкам не придётся собирать в короба металлическую стружку в заводских цехах, чтобы заработать на кусок хлеба, а пьяный купец, выйдя из ресторана, больше не будет кидать пригоршни медяков в прохожих, гордо приговаривая при этом: «Налетай, православные, я седни добрый!» Народ устоял, была у него большая охота построить такое общество.

Язык тоже ломало и корёжило в вихрях общественных сотрясений. Он опрощался до неистовой митинговости, дичал в яростно-матерных сабельных сшибках, испархивал в революционных песнях, обретал новые, иногда чуждые слова, невозможные прежде выражения, кровь и слёзы жестокого времени пропитали его. Но его ждали новые испытания. Отбушевала Гражданская война, и пришли 20-е годы: нэп, хаотичность, непредсказуемость жизни — отдышка перед чем-то неведомым.

Язык русский, уйдя от старых письменных норм, не обрета пока устойчивых новых, шатался, его уродовали новорожденные советские бюрократы, его опошляли новые, тоже советские, обыватели, обульваривали в кабацких гульбищах самодельные певцы и декламаторы. Молодая творческая интеллигенция, ломая старое искусство, и родной язык подвергла изрядной ломке в поисках новых форм отображения жизни.

На село тоже пришли новые слова и новые смыслы, частенько искусственные, не устоявшиеся, язык простого народа бродил от хмеля перемен.

Но жизнь заставляла создавать новую литературу, сдувая при этом пустую словесную шелуху, отбирая лучшее из вновь возникшего и опираясь на прошлых мастеров, литературу, созидательную, не похожую даже на лучшие произведения отечественной дореволюционной классики, поскольку та, по глубинной своей задаче, была социально протестной. Вспомним Некрасова.

<i>Вчерашний день, часу в шестом,</i>	<i>Ни стона из ее груди,</i>
<i>Зашел я на Сенную;</i>	<i>Лишь бич свистал, играя...</i>
<i>Там били женщину кнутом,</i>	<i>И Музе я сказал: «Гляди!</i>
<i>Крестьянку молодую.</i>	<i>Сестра твоя родная!»</i>

Теперь же была необходима литература, осмысливающая всё свершившееся и вдохновляющая на построение нового мира. И народ создал её, да ещё какую!

«Реализм — это направление в искусстве, ставящее целью правдивое воспроизведение действительности в ее типических чертах». В искусстве СССР в тридцатые годы, в годы индустриального рывка, в годы всенародного энтузиазма родился социальный реализм, который часто называют социалистическим, он им стал позже, а тогда он был именно социальным, то есть отражающим жизнь всего тогдашнего социума или общества. «Тихий Дон» и «Поднятая целина» Шолохова, «Как закалялась сталь» Островского, «Хождение по мукам» Толстого.

В кровице и муках рождалась осуществлённая мечта трудящихся всех времён, в этих произведениях эпоха была запечатлена с такой силищей, что и через столетие потрясает людские сердца.

В начале двадцатых во всю мощь зазвучала божественная лира Есенина, а Маяковский революционный чеканил шаг в поэтическое бессмертие. Когда народ одухотворён высочайшей идеей, его язык, всегда чуткий и живой, тут же откликается, он ликует, он готов творить шедевры языковой культуры.

* * *

...Война вторглась в Отечество наше. Такая лютая, такая беспощадная, что стало понятно — это война на изничтожение всего русского, всего славянского, и если мы не победим, русскому народу не быть на Земле.

Русский язык встал в солдатский строй. И в первые дни войны загремел над Родиной набат «Священной войны». Все, услышавшие песню впервые, говорят о её ошеломляющем воздействии, она вламывается в мозг, врывается в сердце, вторгается в душу и разжигает в них духоподъёмный огонь. Страна огромная встала на смертный бой!

Язык русский воевал приказами Верховного Главнокомандующего и похоронками в сумках почтальонов, публицистикой Алексея Толстого, Ильи Эренбурга, статьями и стихами Константина Симонова; русский язык искрился солдатским юмором и укреплял веру в победу в поэме Твардовского «Василий Теркин»; русский язык выдёргивал солдат из окопов грозными словами: «За Родину, за Сталина!», гнал хрипящим «Ура-а-а!» в атаку и многоэтажным матом помогал в рукопашной.

Мы победили!

Русские песни Победы вспугивали тишину в тревожно затаившихся сожжённых улицах Берлина, русское горе утрат пело-плакало в сожжённых городах и сёлах Смоленщины и в далёких от войны городах и сёлах Сибири и самого Дальнего Востока. Страна Советская, выплавав горе, засучила рукава и взялась за работу. Дел было невпроворот, а рабочих рук не хватало.

Однако справился народ: не сытый, но весёлый и злой на работу с песнями восстанавливал заводы, поднимал целину, строил огромные плотины в Сибири. И вот, когда народ стал жить позажиточнее, тогда и подкралась беда страшная, страшнее войны, страшнее физической смерти, ибо тяга к богатству убивает душу. Вначале тяга была вроде и мелкая: немножко урвать у ближнего или у государства, деньжишек малость подкопить, дальше — ковёр по блату достать, посуду хрустальную. Но жажда наживы неустанно, неуклонно растёт. Потом хочется холодильник иметь, позднее импортный, потом машину, со временем тоже иностранную. Есть ли предел у алчности? Есть, но единственный — нехватка денег.

Вот так из народа взыскующего духа русские превращаются в рабов возликующего брюха.

Противостоять этой пагубе могло бы обращение к вере Православной и большая, как сама страна, русская национальная идея. Только в этих двух родственных состояниях души человек осознаёт, что счастлив он не тогда, когда срывает последнюю рубашку с ближнего, а когда отдаёт ближнему свою последнюю.

Давно и правильно замечено, что когда народ созидает, его язык, особенно разговорный, становится богаче, ярче, образнее, а когда народ живёт лишь забота-

ми о хлебе насущном — язык тускнеет, блекнет, бледнеет его начинает разлагать плесень жаргона спекулянтов и потребителей.

* * *

Птицу кормом, человека словом обманывают... Сразу после русской Победы, как в ознаменование начала «холодной войны» против СССР, было сказано Даллесом или приписано ему, неважно, главное, было высказано: «...Мы наводним вас грязной литературой, мы разорвём вас изнутри...» Очень неглупый человек был глава ЦРУ США, понимал значение слова в идеологической войне.

План по распаду СССР изнутри Запад осуществлял постоянно, он являлся и является составной частью глобальной и многовековой борьбы западного мира с Россией. Так вот, в рамках этого плана пробуждение в советских людях жажды наживы есть задача первостепенной важности, потому что жадный человек — находка для врага, а завидующий человек — грядущий предатель.

Бритва скребет, а слово режет; слово пуще стрелы разит — русским народом давно сказано, и жизнью доказано.

Враги воспользовались нашим языком, и он, помимо своей главной задачи, невольно стал прислуживать недругам, стал оружием против своего создателя и носителя, мощным, иногда трудно отразимым, потому что он свой. Но не сможет ложь стать правдой; ложь — вне добра, значит, ложь — внесущность. Слово, оно же действительно живое, слову больно, когда им лгут, слово сопротивляется, не даёт сложиться во что-то художественно достойное. Талант, поставленный на службу злобной клевете, в ней и заглохнет.

Прикончили втихую Советский Союз, разорвали по живому братство трёх славянских народов, совершив тем самым и диверсию против культуры наших народов, ведь украинский и белорусские языки едины с русским, без великорусского языка они обречены на медленное замещение другими, более функциональными и агрессивными, а значит, более востребованными в современном, катящемся в варварство мире.

* * *

А как же чувствует себя великорусский язык у себя на родине, в России, как ему живётся? Нужно честно сказать, паскудно живётся русскому языку в пристроенной к западной модели жизнеустройства Российской Федерации. Примерно так, как будет житья во времянке, слепленной абы как из остатков добротного дома, разобранный до последнего брёвнышка, и пристроенной к соседскому дому со стороны заднего двора. Крыша из обломков шифера протекает, в щелястые стены ветер задувает и ходит сквозняком по неуютному помещению. Зато крыльцо богатое, с витыми балясинами перилец и крашеными крепкими досками ступенек.

Но почему такое произошло с языком в родной его среде?

Чтобы ответить на этот вопрос, придётся задать другой, наводящий. А кому он нужен в России, русский язык? Олигархам, чиновникам высшего уровня?

В Евангелии сказано на все времена: «...Ибо где сокровище ваше, там и сердце ваше будет». Если сокровища в иностранных банках, то и сердце будет там; поступит команда из Центра подавляющей силы перейти на английский — «под

козырёк» и рьяно кинутся исполнять. А они, чиновники и олигархи, влияют на многое в государстве в силу власти денег и власти занимаемого поста.

Именно поэтому никакой закон о защите русского языка работать не будет, именно поэтому сокращают часы преподавания русского языка и литературы в средней школе. Поставлена задача ужимания области применения родного языка и расширения области применения английского. Если кто-то думает, что рекомендованное внесение в русские словари английского «файф о клок» нечто вроде шутки, то он глубоко ошибается, ибо это стратегия внедрения.

А разве нужен русский язык миллионам деловых мигрантов, для которых Россия — большая поляна с тучной травой, на которой можно вволю попать, собрать травки и отправить в родные сухоземельные края, остальное не жалко и вытоптать. Им язык России постольку поскольку нужен, хватит пары сотен самых простых слов для общения с туземцами. Притом надо учесть, что диаспоры пришельцев становятся влиятельной силой в экономическом и политическом плане. Даже мелкий бизнес, особо в сфере торговли, часто имеет дело с импортными товарами и испытывая давление сверху, обретает любовь к английскому; ради дохода торгош и вывеску на этом языке «сообразит», и детишек будет понуждать прилежнее учить в школе язык милой Англии и великой Америки.

В общем, если под этим углом зрения рассмотреть все социальные группы населения России, то получится, что ни для одной из них родной язык не является территорией любви, а просто данное от рождения средство общения, которое ради каких-то жизненных интересов можно и заменить. Учащаяся молодёжь усиленно изучает языки, особо английский, в надежде потом «свалить за бугор» с багажом знаний, полученных здесь. Они смотрят на старших товарищей, учёных и специалистов, которых искусственно созданная невостробованность выталкивает за пределы Отечества, или их сманивают агенты западных корпораций. Работники искусства — художники, композиторы, певцы, актёры и режиссёры, дирижёры, особенно ставшие известными, проводят за границей в творческих командировках половину своей жизни. Нетребко в России — гость не частый, и «домушечки» в тамошних «деревушечках» приобрели, да и кой-какой «бизнесишко на молочишко» там имеют, надеясь в преклонных летах осесть в милых сердцу местах, возможно, даже щебеча по-местному. Они без русского тоже не умрут, вот и выходит, в России русский язык нужен только Русской Православной Церкви и простому народу. Церковь родной язык защищает и охраняет в духовном плане и в меру своих возможностей, хотя желательно бы, чтобы она б́ухала во все колокола, дабы оглушить русским звоном губителей родной речи.

А в народе чистый русский звучит всё глуше, всё невнятнее, а мат и жаргон всё громче и внятнее. Придавленный заботами о брюхе несытом и теле, худо прикрытом, народ не способен сохранить, а тем более развивать свой язык, да и недосуг ему всё свободное время забирает телевизор и Интернет, средство общения которых далеко не литературный язык.

* * *

В пристройке обязаны слушаться хозяина дома, а он говорит на английском, так что будьте любезны, «дорогие россияне», изъясняться так, чтобы в вашей

речи было побольше «трендов-брендов», да «лизингов-консалдингов», а поменьше этих варварских русских слов. И выходит, у русского народа нагло отбирают и тихо крадут самоидентичность, а фундамент русского дома крушат отбойными молотками, язык наших предков втоптывают в грязь.

А где же писатели, поэты, журналисты, те, у кого смыслом жизни должно быть служение народу через слово, которые должны нести в народ слово любви и добра?.. Увы, многие из них обменяли беспрепятственную возможность выблевывать на страницы публичных изданий всю свою нутряную срамоту на обнищавший, вымирающий, поработанный народ.

Конечно же, есть в России люди, для которых родная речь неотделима от самой жизни, которые не мыслят себя в иноязычной культуре. Это учителя-словесники, это учёные-языковеды, это избранные писатели. Но голоса их почти не слышны, они забиваются могучим отрететированным хором проводников западного мироустройства. Эти люди глубже других чувствуют смертельную опасность для России — опасность растворения русского языка в наглом языке пришельца. Яснее осознают, что слабеющий родной язык — ослабление самого государства русского, а смерть русского языка — смерть Родины.

Но самое горькое, что это будет смерть духовная. Безъязыкий народ — утробный плод с отсечённым питанием. Народ, как и природа, является творением Божьим, и с утерей языка народ теряет связь с Творцом не-воз-врат-но!

Бывали времена в нашей истории, когда влияние того или иного европейского языка преобладало в верхних слоях российского общества, но родной язык превозмог эти влияния, отторг их, оставив в себе лишь немного из пришлого, безболезненно прижившееся.

Сейчас ситуация с русским языком стократ хуже. Всевластие денег принесло с собой закреплённые в другом языке другие моральные нормы, подчас прямо противоположные благочестию. Коль приняли деньги как главный смысл жизни, так должны принять и язык, выражающий этот смысл. Так что кричите, патриоты, хоть охрипните, а всё мимо уш, все мимо душ!

Тогда что, смириться? Нет!!! Тогда доколе терпеть издевательства над русским языком, который встречает нас в первый миг появления на свет, на чём мыслим, чем выражаем свои чувства, с чем живём и умираем — над речью русской?!

Пусть каждый, живущий в России, заглянет в себя поглубже и разберётся, а готов ли он предать слово «мама», впервые произнесённое им в этом прекрасном мире? Или те тихие слова, переполненные любовью и нежностью, которые мама произносила, целуя его засыпающие детские глазки: «Спи, сыночек, спи, мой родной»? Готов ли затоптать в памяти своей те вечные и всегда первые слова, что произнёс, робея и краснея, самой лучшей в мире девушке: «Я люблю тебя»? Очевидно, предавшему родной язык, предать Родину будет уже проще.

А если твоя совесть скажет, что отеческую речь можно вырвать из тебя только вместе с сердцем, тогда нужно противодействовать насильникам, губителям Русского мира. И начинать с самого себя.

Перво-наперво, необходимо убрать из своей речи бранные слова, они же не только обедняют и уродуют язык, они душу поганят, пачкают грязью её божественное начало. (Пусть только война останется для них временем применения.) С искоренением матерщины устранился и её вредное влияние на детей, которые неосознанно копируют своих родителей, перенимают их грехи и усиливают в себе, а через несколько поколений эти грехи разрастутся в могучие деревья порока,

не подсиленные для корчевания. Недаром ещё Демокрит сказал: «Привычки отцов превращаются в пороки детей».

Слушая, а позднее читая русские народные сказки и былины, ребёнок начинает приобщаться к могучему источнику жизни своего народа, и вероятность того, что он вырастет добрым человеком, многократно увеличится. Сказки создадут крепкое нравственное основание его мировоззрения, взрослея, человек обязательно начнёт читать русскую классику, тогда вырвать его из Русского мира будет куда сложнее, если вообще возможно, чем того, кто воспитывался на иностранных «мультиках» и Интернете. Безусловно, с младых ногтей нужно воспитывать русское юношество в Православии, на высочайших примерах жизни наших святых и подвижников Духа, чтобы, став зрелыми, они осознанно приняли Веру Православную.

Книги, прочитанные в детстве, сильнее всего влияют на судьбу человека. Не с этого ли малого делушка начнутся большие дела по возрождению Русского мира? Единого и Неделимого, непрерывающегося в Истории, оплодотворённого русским языком, в котором на сказках, сотворённых, возможно, ещё в Киевской Руси, вырастали дети Советского Союза, а орденами с именами полководцев Екатерининской эпохи награждали полководцев Красной Армии. В это верится! А как же без Веры? И не только без Веры. Ведь именно на любви и милосердии может стоять Россия. А это и есть вера — Русское Православие.

9 декабря 2013 г.